

Регентство и делегирование властных полномочий в Московской Руси

В. В. Шапошник

Для цитирования: Шапошник В. В. Регентство и делегирование властных полномочий в Московской Руси // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 176–189. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.110>

В статье рассматривается вопрос о том, существовало ли регентство в Русском государстве XVI в. и как решалась проблема делегирования властных полномочий. На основании изучения источников автор приходит к следующему выводу: в духовные грамоты монархов вносились имена лиц, которым должна была на определенное время перейти реальная власть в стране в том случае, если наследник был недееспособным (например, малолетним). Подобные записи были в не сохранившихся до наших дней духовных грамотах Василия III (1533 г.) и Ивана IV (1553, 1554, 1561/1562, 1584 гг.). Автор исследования считает, что, хотя в России того времени (в отличие от некоторых западноевропейских государств) не было специального законодательства о регентстве и не было терминов «регент», «регентский» или «опекунский совет», можно говорить о том, что фактически в XVI в. регентство имело место. Законодательства же о регентстве при тех представлениях о власти, которые тогда существовали, и не могло быть, ведь считалось, что свою власть государь получает непосредственно от Бога. Опекуну или регенту все свои решения принимали от имени монарха, несмотря на то что сам государь зачастую никак не мог принимать участия в делах управления. Властные полномочия регентов или опекунов опирались только на волю покойного монарха. Получение дополнительных полномочий немногими избранными вызывало недовольство других придворных. На практике это приводило к тому, что после смерти государя назначенные им опекуны или регенты зачастую не могли сохранить свои особые властные полномочия и теряли не только власть, но и жизнь. Все решала складывающаяся при дворе расстановка сил. Пример подобного развития событий — годы, последовавшие за смертью великого князя Василия III и царя Ивана Грозного.

Ключевые слова: регентство, регентский совет, опекунский совет, власть, Василий III, Иван IV, духовная грамота.

Вячеслав Валентинович Шапошник — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; v.shaposhnik@spbu.ru

Vyacheslav V. Shaposhnik — Dr. Sci. (History), Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; v.shaposhnik@spbu.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00151 «Изменение состава и облика правящей элиты Русского государства в переломные периоды российской истории в XVI–XVII вв. (боярское правление, опричнина, Смутное время, царствования Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентство царевны Софьи)».

The study was supported by the grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00151 “The Changes in the Composition and Image of the Ruling Elite of the Russian State during the Turning Periods of Russian History in the 16th–17th centuries (Boyars rule, Oprichnina, Time of Troubles, Reigns of Alexey Mikhailovich, Fedor Alexeevich, the Regency of Princess Sophia)”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Regency and Transfer of Power in Muscovy

V. V. Shaposhnik

For citation: Shaposhnik V.V. Regency and Transfer of Power in Muscovy. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 1, pp. 176–189. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.110> (In Russian)

The article examines the issue of whether there was a regency in the Russian state in the 16th century and the problem of delegation of power. The author comes to the following conclusion: the names of persons who were supposed to assume real power in the country for a certain time in the case of incapacity of the heir under the age were entered into the testaments of the monarchs. Such records were in the testaments of Vasilii III (1533) and Ivan IV (1553, 1554, 1561/1562, 1584). The author of the study believes that although in Russia at the time there was no special legislation on the regency, and there were no terms “regent”, “regency” or “board of guardians”, it is fair to state that regency actually existed in the 16th century. There could not be the legislation on the regency, with those ideas about power that existed. It was believed that the sovereign receives his power directly from God. Regents made all their decisions on behalf of the monarch, despite the fact that the sovereign himself often could not take part in the affairs of government. The acquisition of additional powers by a few “chosen ones” caused discontent among other courtiers. This led to the fact that after the death of the sovereign, the guardians or regents appointed by him often could not retain their special powers of authority and lost not only power, but also their lives. Everything was decided by the balance of forces in the court.

Keywords: regency, regency council, board of trustees, power, Vasilii III, Ivan IV, testament.

В государствах, которые возглавляет монарх, периодически возникают ситуации, когда правитель в силу тех или иных причин не может выполнять свои обязанности в полном объеме. Государя может постигнуть длительная тяжелая болезнь, он может умереть, не оставив дееспособного наследника, он может длительно отсутствовать (находиться в дальнем походе или оказаться в плену) и т. п. Как же в таком случае должно осуществляться управление государством, кто должен определять основные направления государственной политики?

Ответ на этот вопрос вроде бы не должен вызывать особых трудностей. Должно появиться временное регентство, которое может быть единоличным (когда регент один) или коллегиальным (регентский совет). Когда монарх сможет выполнять свои обязанности (выздоровеет, вернется из плена или похода, достигнет определенного возраста), полномочия регента или регентского совета должны прекратиться. Такие случаи известны во многих государствах в разные века: Англии, Франции, Испании и др.

Очевидно, что в истории нашей страны также должны были быть периоды, когда возникала необходимость в подобном органе. Попробуем ответить на вопрос о том, существовало ли регентство (индивидуальное или коллективное) в России XVI столетия и имело ли оно свою специфику. С этим вопросом тесно связан еще один: о делегировании властных полномочий в целом. Любому, кто хоть поверхностно знаком с историей этого периода, известно, что после смерти великого князя Василия III его старшему сыну и наследнику Ивану IV было всего три года от роду и, естественно, самостоятельно управлять страной он в любом случае не мог.

Кто же управлял страной в период его малолетства? И более конкретно — кому умирающий Василий III поручил управлять страной до взросления сына? В историографии в подавляющем большинстве случаев речь идет об опекунах, опекунском совете, правительстве, боярском совете, регентском совете¹. Споры среди исследователей идут о персональном составе опекунов, правителей и регентов. Не вдаваясь пока в эту дискуссию о персоналиях, отмечу только то, что, кто бы ни входил в состав этих групп, эти лица должны были управлять государством в то время, когда новый великий князь Иван IV был ребенком. Иными словами, человек или люди, реально управляющие государством, выполняли функции регента или регентского совета, хотя эти слова в отечественных источниках XVI в. и не употреблялись. Но отсутствие современной терминологии в источниках не может свидетельствовать об отсутствии самого явления.

Вместе с тем в последнее время в научной литературе появились работы, в которых утверждается, что регентства в России XVI в. не существовало. Так, М. М. Кром в своей фундаментальной монографии, посвященной политической истории 1530–1540-х гг. приходит к выводу о том, что институт регентства в нашей стране, в отличие от государств Западной Европы, так и не сложился². Как пишет исследователь, «институт регентства как таковой не был выработан московской политической традицией; не существовало... и самих понятий “регент” и “регентство”»³. М. М. Кром отмечает, что в Священной Римской империи и Франции полномочия регента регулировались правовыми нормами и он мог издавать официальные акты от своего имени⁴. В России же XVI в. ничего подобного не было. Вместе с тем ученый указывает, что в условиях малолетства Ивана IV «реальные рычаги власти находились в руках других лиц, стоящих у трона», и говорит о том, что существовали «особые властные полномочия душеприказчиков» покойного великого князя Василия III⁵. Свои выводы исследователь повторяет и в другой работе: «...последние распоряжения Василия III не предполагали создания каких-либо

¹ Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 3. Т. 5, 6. М., 1993. С. 396; Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории: в 2 т. Т. 2. СПб., 1994. С. 22–23; Пресняков А. Е. Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 71–80; Шатагин Н. И. Русское государство в первой половине XVI века. Свердловск, 1940. С. 65–67; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 33–36; Зимин А. А.: 1) Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 226–232; 2) Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 395; Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 81–87; Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533–1538 гг.). М., 2019. С. 60; Корзинин А. Л.: 1) Регентский совет при малолетнем Иване Грозном // Клио. 1999. № 3 (9). С. 106; 2) К вопросу об опекунском совете при малолетнем Иване IV // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2014. Вып. 2. С. 5–16; Кром М. М.: 1) Судьба регентского совета при малолетнем Иване IV. Новые данные о внутривластной борьбе конца 1533–1534 года // Отечественная история. 1996. № 5. С. 37–38, 40, 42, 44, 46–47; 2) «Мне сиротствующу, а царству вдовствующу»: кризис власти и механизм принятия решений в период «боярского правления» (30–40 годы XVI в.) // Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С. 40–49; Шапошник В. В.: 1) К вопросу о завещании Василия III // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2009. Вып. 2. С. 21–28; 2) Придворная борьба в Русском государстве 30-х годов XVI века. СПб., 2020. С. 12–51.

² Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 603–615.

³ Там же. С. 164.

⁴ Там же. С. 22, 164–167.

⁵ Там же. С. 23, 82.

новых должностей или органов власти», отмечая, что «в источниках нет... следов деятельности мифического коллективного органа, именуемого в историографии “регентским” или “опекунским советом”»⁶.

Д. М. Володихин полагает, что существование регентского совета с четко очерченными полномочиями опекунов до сих пор не может считаться доказанным. Однако, с точки зрения исследователя, регентство все-таки существовало: регентом являлась мать Ивана IV, вдова Василия Ивановича великая княгиня Елена Васильевна Глинская, которая получила власть сразу после смерти супруга в 1533 г. и сохраняла ее до своей смерти⁷.

Безусловно, по предсмертным распоряжениям Василия III не было создано особого института или органа власти с четко очерченными властными полномочиями. Однако великий князь понимал, что в период малолетства Ивана IV реальная власть в стране на весьма длительное время должна перейти в чьи-то руки. Так как духовная грамота Василия Ивановича до наших дней не сохранилась, нельзя точно сказать, были в ней указаны эти люди или существовали только устные распоряжения. Сам Иван Грозный впоследствии писал, вспоминая о событиях 1550-х гг., что он «доидохом лет нарока отча, и под повелительми и приставники нам быти не пригоже»⁸. Отсюда можно предположить, что Василий III в духовной грамоте или на словах определил возраст, с которого его сын должен начать полностью самостоятельное правление. Если это так, то можно говорить о регентстве, регентском или опекунском совете, пусть даже и при отсутствии в то время таких терминов и законодательного закрепления этих понятий.

Приведем еще одну цитату из послания Ивана Грозного. Вспоминая о «правлении» князей Шуйских, царь писал, что «князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в бережении учинилися, и тако воцаришася»⁹. Государь обвинял Шуйских именно в том, что те «самовольно», с его точки зрения, стали опекунами, а не в самой опеке как таковой и получении реальной («воцаришася») власти. Очевидно, что передача или переход властных полномочий другим лицам до достижения определенного Василием III возраста считалась Иваном IV вполне нормальным явлением.

Таким образом, можно сказать, что передача правителем (или захват, при сохранении фигуры монарха) полномочий по управлению государством на длительный срок и позволяет говорить о регентстве. Можно назвать регентов опекунами и спорить о терминах и определениях, но суть от этого не изменится.

Имеет смысл сделать несколько замечаний касательно персонального состава опекунов или регентов, которым должна была перейти власть в стране после смерти Василия III. В свое время я обратил внимание на список бояр, «писанных» в духовной грамоте этого великого князя, и предположил, что указанным в ней лицам поручалось ведение политических дел в период малолетства Ивана IV. Кроме того, М. Л. Глинскому, М. Ю. Захарьину и И. Ю. Шигоне поручалась опека над великокняжеской семьей¹⁰. Перечень бояр находится в дополнительных статьях к Новгород-

⁶ Кром М. М. Спорные вопросы политической истории России 30-х гг. XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1 (87). С. 89–92.

⁷ Володихин Д. М. Иван IV Грозный: Царь-сирота. М., 2018. С. 25–26, 29.

⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 21.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Шапошник В. В. Придворная борьба в Русском государстве... С. 12–51.

ской летописи по списку Дубровского¹¹. Недавно М. М. Кром, отметив важность сделанного мной наблюдения и согласившись с тем, что Глинский, Захарьин и Шигона стали опекунами семьи Василия III («Вторая часть гипотезы В. В. Шапошника кажется мне вполне правдоподобной»), категорически не согласился с тем, что указанные в духовной великого князя Василия Ивановича бояре могли получить какие-то особые полномочия («с первой частью согласиться невозможно»)¹².

Для прояснения вопроса обратимся к источнику, который относится к несколько более позднему времени. Имеется в виду запись, которую дал удельный князь Владимир Андреевич Старицкий Ивану IV в 1554 г. Среди обязательств князя Владимира читаем и такое: «А без бояр ми сына твоего, никоторого дела не дала, которые бояре в твоей государя моего душевной грамоте писаны...» Бояре и дьяки, «писанные» в царской духовной грамоте, упоминаются еще раз, в разделе, где говорится о возможных «коварных» замыслах княгини Ефросиньи Старицкой, матери удельного князя¹³. В записи, очевидно, речь идет о том, что в духовной грамоте Ивана Грозного были указаны бояре и дьяки, которые после возможной смерти монарха должны были принимать активное участие в управлении страной при малолетнем царевиче Иване Ивановиче и его матери царице Анастасии Романовне. Судя по всему, этих записанных в духовной грамоте бояр вполне можно считать потенциальными участниками регентского или опекунского совета, который бы получил власть в случае смерти Ивана Васильевича.

Возвращаясь к духовной грамоте Василия III, отметим, что, скорее всего (по аналогии с грамотой Ивана IV), в ней были указаны бояре, получившие особые полномочия по управлению государством. Причем, по-видимому, это именно те бояре, которые указаны в дополнительных статьях к Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского, а именно князья Василий и Иван Васильевичи Шуйские, Борис Иванович Горбатый, Михаил Семенович Воронцов, Михаил Васильевич Тучков, Михаил Юрьевич Захарьин¹⁴. Указанные лица были не только свидетелями духовной грамоты умирающего Василия Ивановича, но и получили серьезные полномочия по активному участию в правлении до достижения малолетним Иваном Васильевичем определенного Василием III возраста. Кстати, по записи Владимира Старицкого, для начала самостоятельного правления царевича Ивана Ивановича был установлен в возраст 20 лет¹⁵. Возможно, и в отношении Ивана IV в свое время был указан такой же возраст, хотя это и кажется неоправданным, учитывая, что, например, вступать в брак молодые люди могли с 15 лет¹⁶.

Если признать, что в духовной великого князя Василия упоминались бояре, получившие особые полномочия, то ими, скорее всего, и были указанные в Сборнике Дубровского лица. Они были не только свидетелями последней воли умирающего. В самом деле, пять человек из шести (исключение составляет князь Б. И. Горбатый) принимали участие в совещаниях, которые проводились у постели Василия III. О последних днях великого князя мы имеем довольно полные сведения благодаря «Повести о болезни и смерти Василия III». Эти бояре неоднократно упоминаются

¹¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 43. М., 2004. С. 261.

¹² Кром М. М. Спорные вопросы политической истории России... С. 93.

¹³ Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГД). Ч. 1. М., 1813. С. 467.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 43. С. 261.

¹⁵ СГГД. Ч. 1. С. 466.

¹⁶ Стоглав // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. М., 1985. С. 287.

в повести, с ними великий князь обсуждал («думал и приказывал») дальнейшую судьбу своего сына Ивана и великой княгини Елены, а также содержание духовной грамоты. С ними же в последние часы жизни Василий говорил об управлении государством¹⁷. Думается, дело не только в том, что великий князь «рассчитывал, что они используют свой авторитет и влияние для исполнения его последней воли»¹⁸. Бояре таки получили дополнительные властные полномочия по управлению страной в период малолетства Ивана IV.

В следующий раз вопрос об управлении государством при малолетнем недееспособном наследнике встал в марте 1553 г., когда Иван Грозный тяжело заболел и произошел так называемый боярский мятеж. Царская болезнь не вызывает сомнений, о ней упоминали и сам монарх, и беглый князь А. М. Курбский, и летопись¹⁹. События же, произошедшие в период болезни Ивана IV, собственно боярский мятеж, подробно описаны лишь в приписке к Царственной книге²⁰. Они неоднократно подробно разбирались в историографии²¹. Даже само изучение приписок привело к появлению обширной литературы²². Оставив в стороне вопрос о достоверности приписки о боярском мятеже, отметим, что события, связанные с царской болезнью, имеют непосредственное отношение к вопросу о существовании регентства в России XVI столетия.

К моменту болезни у Ивана IV был в живых единственный ребенок — сын царевич Дмитрий, которому не было и года от роду. Естественно, Грозный, находившийся, судя по источникам²³, в критическом состоянии, хотел, чтобы престол наследовал «пеленочник» Дмитрий. По напоминанию дьяка Ивана Висковатого, была подготовлена духовная грамота, наследником объявлялся сын. Часть приближенных, вероятно члены Ближней думы и влиятельные бояре, без промедления присягнули царевичу, целуя крест. Приписка называет их поименно: князь И. Ф. Мстиславский, князь В. И. Воротынский, И. В. Шереметев, М. Я. Морозов, князь Д. Ф. Палецкий, Д. Р. Юрьев, В. М. Юрьев, А. Ф. Адашев, И. Вешняков и Висковатый. Причем, по сообщению источника, некоторые люди из ближайшего царского окружения крест не целовали: боярин князь Д. И. Курлятев и казначей Никита Фуников. Они были больны, но впоследствии ходили слухи, что они, вместе с принесшим присягу Палецким, «ссылалися» со Старицкими, не желая появления на престоле младенца²⁴.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 20, 21. — При беседе присутствовали еще князь М. Л. Глинский, двоюродный И. Ю. Шигона, казначей П. Головин, дьяки Путятин и Мишуриин.

¹⁸ Кром М. М. Спорные вопросы политической истории России... С. 91.

¹⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 32; *Курбский А. М.* История о великом князе Московском. М., 1986. С. 260; ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 230.

²⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 522–526.

²¹ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства... С. 264–286; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 407–414; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 108–114; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 68–72.

²² *Клосс Б. М.* Царственная книга // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 506–508; *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 2, ч. 3. СПб., 2012. С. 425–426; *Кукушкина М. В.* Книга в России в XVI веке. СПб., 1999. С. 24–49.

²³ А. М. Курбский писал, что царь «разболелся зело тяжким огненным недугом так, иже никтоже уже ему жити надеялся». См.: *Курбский А. М.* История о великом князе Московском. С. 260.

²⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 523.

На следующий день целовать крест должны были остальные члены Боярской думы. Это вызвало споры и препирательства, причем неоднократно в негативном плане упоминались Захарьины. Тревогу вызывали и князья Старицкие: Владимир Андреевич не торопился приносить присягу, а его мать долго отказывалась заверить крестоцеловальную запись²⁵. Было очевидно, что сам князь Владимир Андреевич был претендентом на престол в случае смерти Ивана IV, в обход своего маленького двоюродного племянника царевича Дмитрия. О младшем царском брате Юрии Васильевиче даже не вспоминали, так как всем была понятна его неспособность к правлению по объективным причинам.

Но вернемся к составленной в разгар болезни духовной грамоте Ивана Грозного. Понятно, что царевич Дмитрий править не мог. Следовательно, царь должен был позаботиться о том, кто будет реально править государством долгие годы, пока наследник не повзрослеет. Иными словами, снова встал вопрос об опекунском совете. Здесь обращают на себя внимание те царские приближенные, которые принесли присягу первыми. Это, надо полагать, члены Ближней думы²⁶, люди, которым Иван IV на тот момент доверял, и, возможно, влиятельные бояре. О доверии к ним говорит один эпизод, который произошел спустя год после событий боярского мятежа. В 1554 г. вскрылась измена боярина князя Семена Ростовского, который вступил в тайные переговоры с литовскими дипломатами и затем задумал побег за границу. Расследовать это дело царь поручил уже знакомым нам И. Ф. Мстиславскому, И. В. Шереметеву, М. Я. Морозову, Д. И. Курлятеву, Д. Ф. Палецкому, Д. Р. Юрьеву, В. М. Юрьеву, А. Ф. Адашеву, И. Вешнякову, казначею Н. Фуникову, дьяку Ивану Висковатому²⁷. Не хватало только князя В. И. Воротынского, который к этому времени уже умер.

Именно эти лица, пользовавшиеся доверием государя и серьезным влиянием среди бояр, и должны были, как представляется, составить регентский или опекунский совет при царевиче Дмитрии в случае смерти в 1553 г. Ивана IV. Причем недовольство остальных бояр вполне понятно — при новом правлении они оказывались на вторых ролях, а перечисленные лица, часть из которых к тому же были царской родней и свойственниками, составили бы правящую верхушку. Особое недовольство вызывали Захарьины, которые при Дмитрии оказались бы в исключительно выгодном положении как ближайшие родственники царицы Анастасии. Мало того, именно Д. Р. и В. М. Юрьевы были бы, вероятно, опекунами царской семьи. Не случайно Грозный обратился к ним с призывом умереть за царевича и мать его²⁸. В таких условиях для значительного числа бояр более предпочтительной кандидатурой на престол выглядел взрослый удельный князь Владимир Андреевич, при котором можно было занять достойное, с их точки зрения, место. Впрочем, вполне возможно, что для некоторых бояр главными были даже не личные интересы, а опасение повторения событий боярского правления 1530–1540-х гг., воспоминания о которых еще сохранялись в памяти. В связи с этим стоит вспомнить

²⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 524–526.

²⁶ Богатырев С. Н. Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Часть первая (1550-е годы) // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 132.

²⁷ ПСРЛ. Т. 29. М., 2009. С. 226–227.

²⁸ Там же. Т. 13. С. 525.

слова Ф.Г. Адашева, который, целуя крест царевичу Дмитрию, заявил государю: «А мы уже от бояр до твоего возраста беды видели многия»²⁹.

Для подтверждения того, что имена бояр вносились в духовную грамоту, обратимся к уже знакомой записи Владимира Старицкого от 1554 г. К этому моменту царевич Дмитрий уже скончался, но у Ивана IV родился второй сын, царевич Иван. Была составлена новая духовная грамота. В ее тексте и был, очевидно, расписан порядок управления государством в случае смерти Грозного. Царица Анастасия, судя по обязательствам удельного князя, должна была играть весьма значительную роль в новом правлении. Были в духовной грамоте указаны бояре и дьяки, без одобрения которых князь Владимир Андреевич должен был «никоторого дела не делати»³⁰.

События марта 1553 г. позволяют говорить о том, что в случае смерти Грозного реальная власть в стране до двадцатилетия царевича Дмитрия должна была перейти регентскому совету. В его состав должна была войти царица Анастасия, ее близкие родственники бояре Захарьины-Юрьевы, члены Ближней думы Ивана IV и наиболее влиятельные бояре. Причем они были записаны в царской духовной грамоте не просто как свидетели, но и внесены в основной текст.

К началу 1560-х гг. относится еще один эпизод, связанный с возможным появлением регентского или опекунского совета. Дело в том, что после смерти царицы Анастасии царь в 1561 г. вступил во второй брак с Марией Темрюковной³¹. Новый брак потребовал составления новой духовной грамоты, в которой были бы отражены возникшие реалии. Сыновья Ивана IV были еще детьми, и на случай царской смерти необходимо было определиться с тем, в чьи руки перейдет в таком случае реальная власть в государстве. Так же как и предыдущая, эта духовная грамота до нас не дошла; однако сохранилась крестоцеловальная запись ряда придворных: князя И.Ф. Мстиславского, В.М. Юрьева, И.П. Яковлева, Ф.И. Умного-Колычева, Д.Р. Юрьева, князей А.П. Телятевского и П.И. Горенского, а также А. Васильева³². Из этого документа становится известно, что эти придворные были включены в царское завещание («государь наш... написал нас в своей душевной грамоте»³³).

В каком качестве в духовной указаны эти лица? Ряд исследователей пришел к выводу, что это члены возможного (в случае царской смерти) регентского совета. Такого мнения придерживались, например, А.А. Зимин и Р.Г. Скрынников³⁴. Подобный вывод представляется верным³⁵. Однако М.М. Кром не согласился с этим, он пишет о том, что о передаче кому-либо властных полномочий в документе ничего не говорится. Это только присяга высокопоставленных лиц, которые обязались верно служить царевичам Ивану и Федору Ивановичам и царице Марии. В источниках нет терминов «регентский» или «опекунский» совет³⁶.

²⁹ Там же. С. 524.

³⁰ СГД. Ч. 1. С. 465–468.

³¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 333.

³² СГД. Ч. 1. С. 474–475.

³³ Там же. С. 474.

³⁴ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 86–89; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 142–143.

³⁵ Шапошник В. В. Придворная борьба в Русском государстве... С. 48.

³⁶ Кром М. М. Спорные вопросы политической истории России... С. 94.

Но в таком случае становится непонятно, почему в царской духовной оказались записаны именно эти восемь деятелей. Очевидно, что число придворных было гораздо больше. Даже членов Боярской думы в самом начале 1560-х гг. насчитывалось несколько десятков³⁷. Почему остальные бояре и придворные не приносили присягу? Может быть, Грозный не требовал от них верной службы своим наследникам? Видимо, дело в другом: вписанные в текст царской духовной грамоты получали в случае смерти Ивана IV дополнительные полномочия по управлению государством и заботе о царском семействе по сравнению с другими придворными. Иными словами, в крестоцеловальной записи мы имеем персональный состав возможного регентского или опекунского совета.

После смерти царевича Ивана Ивановича Грозному пришлось задуматься о том, кто может облегчить бремя правления его новому наследнику царевичу Федору, который был человеком хоть и вполне взрослым, но, можно сказать, не от мира сего, очень набожным, не имевшим склонности к власти. Последняя духовная грамота Ивана IV не сохранилась, но состав опекунов или регентов исследователи реконструируют на основании сведений иностранцев и отечественных источников, имеющих более позднее происхождение. В историографии в качестве лиц, получивших полномочия по завещанию первого русского царя, упоминаются (с небольшими вариациями) несколько политических фигур: князь И. Ф. Мстиславский, Н. Р. Юрьев, князь И. П. Шуйский, Б. Ф. Годунов, Б. Я. Бельский. Именно эти лица должны были стать опекунами или регентами при новом царе Федоре Ивановиче³⁸. Впрочем, в научной литературе есть мнение, что указанные лица были членами Ближней думы, роль которой в условиях политического кризиса после смерти Ивана Грозного должна была возрасти³⁹. Однако даже если это действительно члены Ближней думы, то их функции в данном случае близки к функциям опекунов. Через несколько лет, к концу 1586 г., Борис Годунов смог отстранить от власти всех своих соперников и стал фактическим правителем государства при царе Федоре. Титул государева шурина и правителя, как пишет М. М. Кром, означал то же самое, что и латинский термин «регент». Но тем не менее, с точки зрения исследователя, институт регентства в нашей стране не сложился, поскольку неограниченные полномочия были даны лично Борису Годунову, а «должность регента так и не появилась в номенклатуре московских придворных чинов»⁴⁰.

Подобная логика не выглядит убедительной. В самом деле, если Годунов-правитель — практически регент, то трудно отрицать и существование в стране регентства как такового. Только надо подразумевать под ним не наличие специальных законов, должностей и терминов, а существующую практику, опирающуюся на традиции⁴¹, когда особые властные полномочия по управлению передавались (или

³⁷ *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 82.

³⁸ *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». М., 1980. С. 10 и след.; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 104–108; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 30; *Володихин Д. М.* Царь Федор Иванович. М., 2011. С. 18 и след.

³⁹ *Солодкин Я. Г.* Регентский совет или Ближняя дума? (об одном спорном вопросе политической истории России начала царствования Федора Ивановича) // Клио. № 10 (70). 2012. С. 25.

⁴⁰ *Кром М. М.* «Вдовствующее царство»... С. 607–608.

⁴¹ Например, после смерти великого князя Василия I реальная власть перешла в руки его вдовы, митрополита и бояр (см.: *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в.

могли быть переданы при возникновении определенных обстоятельств) на некоторый срок тем или иным лицам.

Вопрос о передаче властных полномочий в России XVI в. представляется важным и интересным. Известно, например, что Иван Грозный был одним из самых «непоседливых» русских царей: он много ездил по стране, в основном по монастырям⁴², отправлялся в военные походы, долго находился в немосковских резиденциях. Отсутствие царя в столице зачастую затягивалось на месяцы. Очевидно, что при длительной отлучке монарха необходимо было передать часть его полномочий, хотя, как справедливо отметил М. М. Кром, «административно-хозяйственная сфера обладала определенной долей автономии по отношению к носителю верховной власти и придворной элите»⁴³, что позволяло без прямого участия монарха решать большинство текущих вопросов. Вместе с тем могли возникнуть важные неотложные военные или политические проблемы, требовавшие срочного решения. Понятно, что в обычных условиях полномочия передавал сам государь. Кому и как передавались полномочия? Рассмотрим некоторые случаи.

Летом 1547 г. Иван IV был в Коломне. Как указывает Разрядная книга, в Москве «на хозяйстве» находились родной брат царя князь Юрий Васильевич, двоюродный брат Владимир Андреевич и ряд других лиц: бояре И. Г. Морозов, князь М. И. Кубенский, Г. Ю. Захарьин, И. И. Хабаров, окольный И. И. Колычев, казначей И. И. Третьяков⁴⁴. Во время казанского похода 1547/1548 г. в столице остались князь Владимир Андреевич Старицкий, бояре Морозов, Кубенский, Захарьин, князь Ф. И. Шуйский, окольные И. Д. Шеин и И. И. Колычев. Разрядная книга специально указывает, что «о всех своих делех царь... велел князю Володимиру... и своим бояры приходить к Макарью митрополиту, а грамоты писал царь... ко князю Володимиру Ондреевичю»⁴⁵.

Ивана IV в Москве во время второго казанского похода представлял князь Владимир Старицкий, которому государь приказал «быть на Москве и дела своего беречь»⁴⁶. Вместе со Старицким в столице были «царя и великого князя бояре» князь А. Д. Ростовский, Г. Ю. Захарьин, В. Д. Шеин, князья К. И. и Д. И. Курлятевы, Ф. А. Куракин, окольные И. Д. Шеин, С. К. Заболотский, Я. А. Салтыков, И. И. Колычев⁴⁷. В 1552 г. царь перед началом похода на Казань обратился к митрополиту Макарию, поручив ему «поучать» своего брата Юрия Васильевича, находящегося в Москве бояр и «беречь» находящуюся в положении царицу Анастасию⁴⁸. Старшим в Москве оставался царский брат князь Юрий Васильевич, бояре князя М. И. Бул-

М., 1991. С. 31 и след.). В XIV в., после смерти Ивана Красного, правительство при малолетнем князе Дмитрие Ивановиче фактически возглавил митрополит Алексий (см.: *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С. 79 и след.). Определенную форму регентства представляло собой фактическое соправительство при слепом Василии II в последние годы его жизни и при Иване III после его неожиданного заболевания, вероятно инсульта (см.: *Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000. С. 136 и след.; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 66 и след.).

⁴² *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963. С. 64–123.

⁴³ *Кром М. М.* «Вдовствующее царство»... С. 617.

⁴⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 112.

⁴⁵ Там же. С. 115; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1, ч. 2. М., 1977. С. 348.

⁴⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 370.

⁴⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 124; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 382.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 186.

гаков, Ф. И. Шуйский, Ф. А. Куракин, Г. Ю. Захарьин, И. Д. Шеин, В. Ю. Траханиот, конюший И. П. Федоров, окольничие И. И. Колычев, В. В. Морозов, А. А. Квашнин, казначей И. Ф. Сукин⁴⁹.

В 1555 г. во время царского похода на южные границы в столице оставались князь Юрий Васильевич, бояре И. М. Шуйский, Ф. И. Шуйский, Г. Ю. Захарьин, И. И. Хабаров, В. Ю. Траханиот, окольничие В. В. Морозов, А. А. Квашнин, казначей Х. Ю. Тютин⁵⁰. В 1556 г., когда Иван IV находился в Серпухове, в Москве оставались князь Юрий Васильевич, бояре И. М. Шуйский, И. М. Булгаков, В. Ю. Траханиот, Ф. И. Шуйский, И. М. Троекуров, Ф. А. Булгаков, А. Б. Горбатый, окольничие А. А. Квашнин, И. И. Жулебин, казначей Х. Ю. Тютин⁵¹. Такие сообщения есть и под другими годами, когда царь отправлялся в поход⁵².

Как можно видеть, в большинстве случаев в столице номинально старшим оставался член царской семьи, как правило князь Юрий Васильевич. Однако его положение было формальным, он был, по крайней мере, не полностью дееспособен, так как, по словам Курбского, «был без ума и без памяти и безсловесен, тако же аки див якой родился»⁵³, хотя беглый князь мог и преувеличивать. Нельзя не отметить очень значительную роль митрополита Макария в период казанских походов. Но, как представляется, основная задача по поддержанию бесперебойной работы государственного механизма принадлежала боярам. Р. Г. Скрынников писал, что «Иван IV много лет подряд... поручал управлять... государством специальной боярской комиссией»⁵⁴. Иными словами, царь делегировал властные полномочия тем лицам, которые оставались в Москве в период его отсутствия. Мало того, все люди, участвующие в управлении страной, могли выполнять свои функции только потому, что получали от монарха эти полномочия.

Рассмотрим один из центральных эпизодов времени правления Ивана Грозного — учреждение опричнины. Царь наложил опалу на бояр, дворецкого, конюшего, окольничих, казначеев, дьяков, детей боярских «и на всех приказных людей»⁵⁵. К каким же результатам привела эта опала? Бояре, дети боярские, духовенство, приказные люди и множество народа обратились к митрополиту Афанасию с требованием добиться от государя возвращения на престол, чтобы «гнев свой отовратил... и опалу свою отдал, а государьства своего не оставял...»⁵⁶. Впрочем, митрополит в Слободу не поехал, как сказано в летописи, из-за того, что «все приказные люди приказы государские отставиша» и город остался «никим же брегом...»⁵⁷, то есть его никто не охранял.

Почему же приказные люди оставили работу, почему город остался без управления? Думается, причина заключалась в том, что, оказавшись в опале, все причастные к управлению страной разом лишились своих властных полномочий, которые исходили исключительно от монарха, и теперь просто не могли осуществ-

⁴⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 141–142; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 452–453.

⁵⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 151–152; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 499.

⁵¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 159; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 513–514.

⁵² Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 163–164, 182, 222–223, 226, 233, 245–246, 300–301.

⁵³ Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 340.

⁵⁴ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 83–84.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 392.

⁵⁶ Там же. С. 392–393.

⁵⁷ Там же. С. 393.

влять свои функции. Никаких других источников их власти, кроме делегированных Иваном IV, просто не было.

Прошедшие в Александровской слободе переговоры привели к тому, что царь решил вернуться на престол. По словам источника, «Государство... приказал ведати... бояром своим... а конюшему... и всем приказным людям велел... управу чинити по старине, а о болших делех приходити к бояром; а ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходити ко государю, и государь с бояры тем делом управу велит чинити»⁵⁸. Таким образом, властные полномочия Иван IV вернул служилым людям. Обратим внимание на то, что в летописи приводится слово «старина», то есть в нормальных условиях, до введения опричнины, ситуация была такой же. Приказные люди решали дела в пределах своих полномочий, в сложных случаях обращались к боярам, а если появлялись «земские великие дела» или военные известия, то решали царь и бояре. Монарх не принимал непосредственного участия в повседневных делах правления, а делегировал властные prerogatives определенным лицам.

Интересный случай передачи полномочий произошел в 1575 г. Имеется в виду переход официальной власти в России Симеону Бекбулатовичу, получившему титул «великого князя всея Руси». Это событие вызывает серьезные споры в историографии⁵⁹. Не вдаваясь в историографические дискуссии о причинах подобного возвышения бывшего касимовского хана, отметим лишь, что Симеон был потомком Чингисхана и свойственником Ивана IV по второй жене Марии Темрюковне⁶⁰. О том, что крещеный татарский хан занял трон исключительно по его воле, заявил сам Иван Грозный в беседе с английским дипломатом. Он сказал: «...не настолько отказался от царства, чтоб нам нельзя было, когда будет угодно, вновь принять сан, и еще поступим в этом деле как нас Бог наставит, потому что он (Симеон Бекбулатович. — *В. Ш.*) еще не утвержден обрядом венчания и назначен не по народному избранию, но лишь по нашему изволению»⁶¹. Иван Васильевич давал понять, что полномочия Симеону переданы исключительно им и эти полномочия он может забрать в любой момент, что, как известно, и произошло в действительности.

Интересно, что посаженный временно на престол исключительно по воле Ивана IV Симеон Бекбулатович спустя несколько десятилетий имел шансы стать уже не номинальным, а реальным правителем России. После смерти царя Федора и пресечения московской династии, по некоторым источникам, противники Бориса Годунова предлагали его кандидатуру на трон. Пункт о запрете «хотеть» «на Московское государство» царя Симеона даже внесли в текст крестоцеловальной записи при избрании на царство Бориса⁶².

Подводя итоги, хотелось бы еще раз отметить, что властные полномочия всех служилых и приказных людей в России XVI в. делегировались монархом. Он же в любой момент мог отозвать полномочия, объявив, например, опалу. Подобная

⁵⁸ Там же. С. 395.

⁵⁹ Обзор точек зрения см.: Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб., 2006. С. 366–373; Беляков А. В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб., 2022. С. 209–213.

⁶⁰ Беляков А. В. Симеон Бекбулатович. С. 22 и след.

⁶¹ Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875. С. 181–188.

⁶² Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба... С. 56–57; Беляков А. В. Симеон Бекбулатович. С. 264–265.

система могла сравнительно нормально функционировать при условии нахождения на престоле дееспособного государя и опиралась на представления о власти общества того времени, по которым свою власть великий князь, а впоследствии царь получал непосредственно от Бога⁶³.

На практике же бывали случаи, когда дееспособного монарха просто не было. До 1598 г. было два подобных момента: после смерти Василия III в 1533 г. и смерти Ивана IV в 1584 г. Кто-то должен был управлять государством. По воле умирающего монарха имена ближайших советников, в преданности которых у правителя не было сомнений, и наиболее влиятельных бояр вносились в духовную грамоту. Именно эти лица должны были управлять страной и опекать семью государя. Этих людей можно назвать регентским или опекунским советом. Возникло определенное противоречие: в теории власть принадлежала монарху, а реально управляли страной другие лица. Это противоречие разрешалось тем, что опекуны или регенты все свои решения должны были принимать от имени государя, несмотря на то что сам государь никак не мог повлиять на подобные решения и мог выполнять зачастую лишь церемониальные функции. Именно поэтому, как представляется, нет документов, связанных с деятельностью регентов после смерти великого князя Василия.

Специального законодательства о регентстве (и самого термина) в России XVI в. не существовало. По всей видимости, его при тогдашних представлениях о власти быть и не могло. Властные полномочия регентов или опекунов опирались только на волю покойного монарха (Василия III, Ивана IV), зафиксированную в духовной грамоте. Естественно, получение дополнительных полномочий немногими избранными вело к тому, что не попавшие в их число придворные могли быть недовольны. На практике это приводило к тому, что после смерти государя назначенные им опекуны зачастую не могли сохранить свои особые властные полномочия и теряли не только власть, но и жизнь. Все решала складывавшаяся при дворе расстановка сил. Яркий пример подобного развития событий — годы, следовавшие за смертью великого князя Василия III и царя Ивана Грозного.

References

- Beliakov A. V. *Simeon Bekbulatovich: primer adaptatsii vykhodtsev s Vostoka v Rossii XVI v.* St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2022, 408 p. (In Russian)
- Bogatyrev S. N. Blizhniaia дума v tret'eï chetverti XVI v. Chast' pervaiia (1550-e gody). *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1992 god.* Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 119–133. (In Russian)
- Borisov N. S. *Ivan III.* Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2000, 644 p. (In Russian)
- Borisov N. S. *Russkaia tserkov' v politicheskoi bor'be XIV–XV vekov.* Moscow, Moscow University Press, 1986, 208 p. (In Russian)
- Floria B. N. *Ivan Groznyi.* Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1999, 403 p. (In Russian)
- Iurganov A. L. *Politicheskaiia bor'ba v gody pravleniia Eleny Glinskoi (1533–1538 gg.).* Moscow, Kvadriga Publ., 2019, 192 p. (In Russian)
- Kloss B. M. Tsarstvennaia kniga. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, issue 2, part 2. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 506–508. (In Russian)
- Korzinin A. L. K voprosu ob opekunskom sovete pri maloletnem Ivane IV. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2014, no. 2, pp. 5–16. (In Russian)

⁶³ Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России... С. 433–540.

- Korzinin A. L. Regentskii soviet pri maloletnem Ivane Groznom. *Klio*, 1999, no. 3 (9), pp. 105–107. (In Russian)
- Krom M. M. “Mne sirotstvuiushchu, a tsarstvu vdovstvuiushchu”: krizis vlasti i mekhanizm prinia-tiia resh-enii v period “boiarskogo pravleniia” (30–40 gody XVI v.). *Rossiiskaia monarkhiia: voprosy istorii i teorii*. Voronezh, Istoki Publ., 1998, pp. 40–49. (In Russian)
- Krom M. M. “Vdovstvuiushchee tsarstvo”: politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, 888 p. (In Russian)
- Krom M. M. Spornye voprosy politicheskoi istorii Rossii 30-kh gg. XVI v. *Drevniaia Rus’. Voprosy medievistiki*, 2022, no. 1 (87), pp. 89–100. (In Russian)
- Krom M. M. Sud’ba regentskogo soveta pri maloletnem Ivane IV. Novye dannye o vnutripoliticheskoi bor’be kontsa 1533–1534 goda. *Otechestvennaia istoriia*, 1996, no. 5, pp. 34–47. (In Russian)
- Kukushkina M. V. *Kniga v Rossii v XVI veke*. St Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1999, 208 p. (In Russian)
- Pavlov A. P. *Gosudarev dvor i politicheskaiia bor’ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.)*. St Petersburg, Nauka Publ., 1992, 279 p. (In Russian)
- Platonov S. F. *Sochineniia po russkoi istorii*, vol. 2. St Petersburg, Stroilespechat’ Publ., 1994, 640 p. (In Russian)
- Polosin I. I. *Sotsial’no-politicheskaiia istoriia Rossii XVI — nachala XVII v.* Moscow, AN SSSR Press, 1963, 384 p. (In Russian)
- Presniakov A. E. Zaveschchanie Vasiliia III. *Sbornik statei po russkoi istorii, posviashchennykh S. F. Platonovu*. Petrograd, Ogni Publ., 1922, pp. 71–80. (In Russian)
- Shaposhnik V. V. K voprosu o zaveschchanii Vasiliia III. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2009, no. 2, pp. 21–28. (In Russian)
- Shaposhnik V. V. *Pridvornaia bor’ba v Russkom gosudarstve 30-kh godov XVI veka*. St Petersburg, Nauka Publ., 2020, 296 p. (In Russian)
- Shaposhnik V. V. *Tserkovno-gosudarstvennye otnosheniia v Rossii v 30–80-e gody XVI veka*. St Petersburg, St Petersburg University Press, 2006, 569 p. (In Russian)
- Shatagin N. I. *Russkoe gosudarstvo v pervoi polovine XVI veka*. Sverdlovsk, Sverdlovsk University Press, 1940, 135 p. (In Russian)
- Skrynnikov R. G. *Rossiia nakanune “Smutnogo vremeni”*. Moscow, Mysl’ Publ., 1980, 205 p. (In Russian)
- Skrynnikov R. G. *Tsarstvo terrora*. St Petersburg, Nauka Publ., 1992, 573 p. (In Russian)
- Smirnov I. I. *Ocherki politicheskoi istorii Russkogo gosudarstva 30–50-kh godov XVI veka*. Moscow; Leningrad, AN SSSR Press, 1958, 516 p. (In Russian)
- Solodkin Ia. G. Regentskii soviet ili blizhnaiia дума? (ob odnom spornom voprose politicheskoi istorii Rossii nachala tsarstvovaniia Fedora Ivanovicha). *Klio*, 2012, no. 10 (70), pp. 23–26. (In Russian)
- Solov’ev S. M. *Sochineniia*, book 3. Moscow, Golos Publ., 1993, 768 p. (In Russian)
- Volodikhin D. M. *Ivan IV Groznyi: Tsar’-sirota*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2018, 341 p. (In Russian)
- Volodikhin D. M. *Tsar’ Fedor Ivanovich*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2011, 255 p. (In Russian)
- Zimin A. A. *Reformy Ivana Groznogo. Ocherki sotsial’no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii serediny XVI v.* Moscow, Izd-vo sotsial’no-ekonomicheskoi literatury Publ., 1960, 511 p. (In Russian)
- Zimin A. A. *Rossiia na poroge novogo vremeni*. Moscow, Mysl’ Publ., 1972, 452 p. (In Russian)
- Zimin A. A. Sostav Boiarskoi dumy v XV–XVI vekakh. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1957 god*. Moscow, AN SSSR Press, 1958, pp. 40–87. (In Russian)
- Zimin A. A. *V kanun groznykh potriasenii: Predposylki pervoi krest’ianskoi voiny v Rossii*. Moscow, Mysl’ Publ., 1986, 333 p. (In Russian)
- Zimin A. A. *Vitiaz’ na rasput’e: Feodal’naia voina v Rossii XV v.* Moscow, Mysl’ Publ., 1991, 286 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 1 августа 2022 г.

Рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Received: August 1, 2022

Accepted: October 31, 2022